

© Худенко А. В.

медиевистика: сб. науч. тр. / В. В. Дементьева (отв. ред.). — Ярославль: Ярославский гос. ун-т., 2001. — Вып. 3. — С. 14-24.

3. Межеричский Я. Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. — Москва-Калуга: КГПУ, 1994. — 442 с.

4. Монтеस्कье Ш. Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян: Пер. с фр. — М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2002. — 512 с.

5. Сморгачев А. М. Религия и власть в Римской Республике: магистраты, жрецы, храмы. — М.: РГГУ, 2012. — 602 с.

6. Тацит К. Сочинения в двух томах. ТТ. I.-II.: Пер. с лат. — СПб.: Наука, 1993. — 736 с.

7. Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: Пер. с англ. — 2-е изд. — М.: Политиздат, 1983. — 703 с.

8. Халапсис А. В. Всемирная история в метафизическом ракурсе: проблема тотальности // Вісник Дніпропетровського університету. Історія філософії науки. — 2006. — №5. — С. 24-31.

9. Халапсис А. В. Постнеклассическая метафизика истории. — Днепропетровск: Інновація, 2008. — 278 с.

10. Холланд Р. Октавиан Август. Крестный отец Европы: Пер. с англ. — М.: АСТ, Астрель, 2010. — 352 с.

11. Caesar C. Iulius. Commentarii de bello gallica / Erklärt von Friedrich Kraner. Sechzehnte Verbesserte Auflage von W. Dittenberger. — Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1889. — 694 p.

12. Livius Titus. Ab Urbe condita / Erklärt Dr. Moritz Müller. Zweite Auflage. — Leipzig: Druck und Verlag von B.G. Teubner, 1888. — Liber I. — 116 p.

Худенко Андрій Володимирович – доктор філософських наук, професор кафедри соціології Одеського національного університету імені І. І. Мечникова

УДК: 111.141

УДОВОЛЬСТВИЕ: СОБЫТИЕ РОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА (философское эссе)

В статье удовольствие рассматривается как событие сдвига, случающееся по ходу собирания различного, когда происходит вновь рождение неповторимой самости живого. Выделяется несколько ракурсов, под углом зрения которых делается попытка схватить удовольствие: интенция быть, ход собирания рассеянной множественности мира, озабоченность и забота, сдвиг времени, событие встречи.

Ключевые слова: удовольствие, событие, множественность, забота, время, встреча.

ЗАДОВОЛЕННЯ: ПОДІЯ НАРОДЖЕННЯ ЛЮДИНИ

()

У статті задоволення розглядається як подія зсуву, що трапляється по ходу збирання різного, коли відбувається знову народження неповторної самості живого. Виділяється кілька ракурсів, під кутом зору яких робиться спроба схопити задоволення: інтенція бути, хід збирання розсіяної множинності світу, заклопотаність і турбота, зсув часу, подія зустрічі.

Ключові слова: задоволення, подія, множинність, турбота, час, зустріч.

PLEASURE: EVENT OF PERSON INCARNATION

()

In the article pleasure studies as the event of drift that is happen in the course of different things is gathering when incarnation of a unique self is take place. Mark out some angles to catch the

pleasure: the intention to be, the course of gathering the scattered multiplicity of the world, concern and care, time drift, an event of meeting.

Keywords: *pleasure, event, multiplicity, care, time, meeting.*

Всякий раз, срываясь, мы получаем удовольствие. Получаем удовольствие, когда вдруг решаемся сесть на диету и, когда не в состоянии удержаться, вдруг нарушаем ее правила; когда вдруг становимся участниками события, покидаем позицию стороннего наблюдателя. В этом «вдруг» – событие сдвига; и здесь – «место» удовольствия. Удовольствие испытывается как верчение, которое в своем ритме формует вокруг лежащее, поставляя его или для смеха, или для слез. Удовольствие находим в цезуре и бесконечности отсылок; в напряженности собирания различного. И здесь – как сдвиг случается по ходу собирания – вновь рождается неповторимая самость живого.

1. Глагол удовольствия.

Удовольствие – это феномен человеческого существования. Именно та уникальная конституция жизни, которая определяет человеческое в человеке. «Человеческое» – это не **что**, а **как**. Поэтому, вероятно, нельзя ответить на вопрос «что есть удовольствие?». Вопрос же «как есть удовольствие?», или о глаголе человеческого, представляется более адекватным в контексте рассуждений о феномене человеческого существования.

Вид глагола сводится к одному – *быть*. При этом привилегия *быть* выражается в предоставлении места существительному «человек». Функция глагола состоит в потрясении человека и помещении последнего *ad margimum*. Только на меже впервые и решается, **что** есть человек, и где водворит он свою самость. В удовольствии есть что-то от неудержимого бунта человека против того, что пугает его, против того, что угрожает ему извне и изнутри. Горечь, печаль, боль, опутывающие плоть, вызывают живой протест и беспокоят, будоражат, будят – нудят желание и отправляют его в путь.

Удовольствие сродни путешествию: в глаголе шествия таится энергия, которая только в пути открывается возможность *быть* существительным. Являясь волей и виной удовольствия, глагол суть деяние, которое в довольстве довольствует уже наличное. В этой связи удовольствие не просто калькулирование впечатлений, но заботливость в обращении с тем, что уже дано, и его довольствие к полноте и радости.

Глагол удовольствия, становящийся существительным, длиться в пути предшествования и ожидания грядущего, и не есть просто перемещение, но во времени происходящее стягивание данного и заданного. В своей самотождественности удовольствие скудно: акцентирование уже прошедшего или грядущего производит нужду; боль или радость, смех или слезы мертвят. Событие, свершающееся в мгновение ступания по следу минувшего в ожидании грядущего, богато дарами. Избыточность не позволяет расслабиться. Напротив, она взывает к решительности продолжения шествия с правом вернуть долг: ответить на обязательство *быть*.

2. Множественность и удовольствия.

Удовольствие испытывается тогда, когда всему – рассеянному наличию питания, плодородия, убежища и т. п. – имеется место. Мир как множественность удовольствием вмещается в человеческую плоть и кормит, плодит, хранит ее. Если естество живого – единая множественность мира, то удовольствие дарует эту жизнь одному и единственному существу.

Человеческая плоть рождается в месте собирания различного. Объем места определяется не пропорциональной слаженностью наличного, но тягой всего к одной и единственной точке – *esse homo*: к этой точке множественность собирается. В процессе собирания множественность и откладывает себя, приобретая определенность (голова, ноги, руки, глаза, ухо, язык, и т.п.), и хранит потенцию движения, изливаясь в ступание, влагу, дыхании, говорении. При этом человеческая плоть не является сплошь светящимся пятном, но пребывает в напряжении: рассеянность всего растягивается (*extentio*) и стягивается (*cogitation*), скрывает и являет – трепещет, повинуюсь тяге к единому. Это трепетание –

удовольствие. Тяга довольствует плоть: нудит и заставляет изливаться – ликовать. В ликовании плоть освобождается и утверждается неповторимое живое тело.

3. Удовольствие и забота.

Нудит, прежде всего, рана. Она – разрыв, откуда плоть изгоняется, чтобы человек предстал в красоте своего собственного тела. Поэтому в ране не только боль, страдание – брошенность и обреченность плоти, но призыв и сила освобождения и утверждения самости.

Рану довольствует (лечит) забота. Забота удовлетворяет (радует) и тело, не позволяя ему осквернить себя в сладострастии, а также плоть, не давая ей излиться в разоблаченной наготы. Поэтому заботу заботит не плоть и не тело: она держится и держит в напряжении разрыв. Озабоченность необходимостью лечения и заботливость, в котором тело находит себя успокоившимся, является проявлением заботы о себе.

В заботе рана сохраняет возможность удовлетворить самость. При этом такая возможность есть тогда, когда она принимается как возможность (открытость) и как таковая сохраняется. Сохранение же возможностей означает, во-первых, не допущение того, чтобы какое-либо состояние утвердилось как завершенное, и, во-вторых, поддержание стремления к утверждению самости, освобождение ее от воздействия ограничений – позволение ей усилить себя саму. Такое сохранение невозможно и вне оберегающего отношения к сокровити данному, и вне решительности, столь необходимой для того, чтобы раскрыть тайну. Лишь в заботе пребывающее удовольствие с почтением довольствует данное и способствует его исполнению.

В заботе удовлетворение раны безопасит. Напротив, только лишь выставление пользы и гарантий не устанавливает никакой защиты: безопасность не в зашивании раны и не в позволении гарантированно безмерно истекать. «Безопасны мы лишь там, где не считаемся с беззащитностью, ни рассчитываем на основанную на волеии защиту. Безопасность существует лишь вне опредмечивающего отвращения от открытого, «вне всякой защиты», вне отрешения от чистого натяженья. Таковое есть неслыханная середина всякого притяженья, которое втягивает все в безграничное и натягивает его к этой середине. Середина же – это то «там», где действует тяготенья чистых сил. Безопасность есть сокровенное упокоение в тяге целого натяженья» (Хайдеггер).

4. Время удовольствия.

Время чередует радость и печаль, усиливает и прекращает смех и слезы. Во времени живое не остается равным самому себе: живое тянет и вытягивает себя в другую жизнь.

Время течет разными способами. Один его ход измеряется «временем» космическим. В космическом «продольном» движении «времени» за живым, с риском для живого, следует другое живое. «Продольное время» идет из прошлого в будущее, наполняет настоящее свершениями и деталями, пресыщая его, в конце концов. «Продольное» в движении «времени» скоротечно. Другой ход времени – «поперечный». В этом движении ушедшее либо еще не родившееся, оберегается, хранится и покоит живых; настоящее мерится прошедшим и / или еще не наступившим грядущим.

В мгновенье сдвига «времен» порядок нарушается. Здесь – в случающемся сдвиге – время, которое несет удовольствие. Здесь прошлое – это не то, что уже сбылось, но то, что нудит и требует исполнения; будущее – не то, что еще не сбылось, но то, что исполняет и радуется. Родительно само время как несущее удовольствие. Оно и определяет потом прошлое, как нудящее, и будущее, как исполняющее. Время заставляет трепетать одно-временного живого.

В трепетании одно-временного удовольствие и памятью довольствуется шествие, сохраняя свершенное в грядущем, и воспоминаниями удовлетворяется жизнь, чтобы она продолжалась. Без удовольствия жизнь в безвремяе: либо в пространственном измерении времени, либо во временном измерении пространства. В безвремяе память хоронит себя в пространстве архива; и воспоминания, забыв память, лишь калькулируют рассеянные детали мира, сохраняя их в кладбищенском покое пространства.

В удовольствии свершенное не только сохраняется в памяти, но и вспоминается решительностью усилий. Поэтому в удовольствии время – всегда вперед. Но не только в будущее, но и в прошлое.

В решительности – инициатива, проявленная в инициации как деле приобщения к данному. А инициативность доводит вдвойне: и выигрышем, и заслугой. В ней и часть опыта места обитания, и участь грядущего. Поэтому только участием преуспевают в деле. Участием берется кредит и выигрывается от вложенного: не только восполняется изъян к довольству уже имеющегося, но и расширяется горизонт грядущего к удовольству себя.

В удовольствии (как говаривали в старину) и свобода, и льгота, и досуг. В удовольствии не только пополняется убыток, наполняя жизнь законом, но и попустительствуется, потакается разрушению закона: открывается возможность определения его иначе. Льгота возможности иначе веселит и забавляет. Удовольствие выражает себя в шумности плясок и зрелищности пира. Праздник, в котором закон задабривают и потешаются над ним, – синоним удовольствия.

В участии лишь часть участи. В разделенной участи лежит путь участия в делах общих, совместных: в том, что касается, задевает, влечет – заботит каждого. Мастерство и искусность в совместных делах заслуживает довольства. И совместность одаривает участие событием праздника, в котором событие ликует. Ликование оставляет след, который ведет событие дальше и дальше. Именно поэтому время удовольствия отмеряется не количественно, но совместностью проживания.

5. Удовольствие как событие встречи.

Участием благоволит судьба только тогда, когда дает смерти стать властной в нем. Необходимость смерти означает, что мы уже захвачены тем, что есть нечто совершенно иное, отличное от автономной человеческой плоти. И это иное всегда уже имеет место. В платоновском «Софисте» Чужестранец мыслит небытие не как абсолютную небытийственность или как простую противоположность бытия, но как зов из далёка. Другой находится там – далеко, откуда приходит смерть. Поэтому «чужестранец» / другой уже своим присутствием подтверждает то, что абсолютного *ничто* не существует.

Другой приходит издалека и встречается. Встреча взламывает отдельность человеческой плоти и довольствует жизнь: наполняет ее, исполняет и делает достойной избрания. Во встрече человек находит себя достойным жизни и обладает достоинством.

Встреча – это событие. Во встрече человек отказывается от бездумного умиротворения плоти. Здесь она испепеляется и довольствуется освобожденной энергией, позволяя *быть*. Самое само человеческой природы, таким образом, винится событием встречи и в зависимости от нее.

Встреча вершит деяние. Деяние, которое не является калькуляцией и экономией, но ликованием Эроса. Энергия, освобожденная событием встречи, усиливает (интенсифицирует) собирание множественности. Интенсив собирание, в котором являет себя сила существительному *быть*, доставляет максимум удовольствия.

Событие встречи немислимо из бытия вместе: ход встречи – не взаимодействие в пространстве *communis*. Поэтому нужно отважиться утверждать то, что встреча является бытием-в-месте и не приводит к бытию-вместе. Отвага, к которой призывается, состоит в следующем: совместность имеет место только в событии встречи. Необходимо выдержать это событие. Только тот мужественен, кто выдержал и выстоял. И тот, кто выстоял и отстоял свое место, его и имеет: *есть* ликует.

Надо отважиться смотреть далеко: быть захваченным кругом мира, озаботиться и решиться на встречу, которую посещает радость и печаль, смех и слезы, наслаждение и боль.

Скудна инструкция. Однако сколько усердия необходимо, чтобы испытать удовольствие и стать самим собой.